

—

«Разве первого числа уже не было собрания? Сегодня не пятнадцатое, зачем снова собирать, ещё и всех обязали прийти».

«Думаешь, староста не собирается на собрании выяснить, кто всё это рассказал?»

«Чего бояться, это же не мы говорили, я вот точно слышал от других. Такое позорное дело, другие и так скрывают, а тут кто-то созывает всю деревню и спрашивает, будто боится, что кто-то ещё не знает. Если не выяснят, разве это не будет большой насмешкой?»

После обеда жители деревни, получив извещение, стали постепенно собираться к дому семьи Цзи. Встречаясь по дороге, они шли группами, гадая, что же такого важного хочет объявить староста, спешно созвав жителей деревни на собрание.

Мать и сын из семьи Юй, конечно, тоже получили извещение. Даже если отношения между двумя семьями были плохими, в таком важном деле, как собрание, все должны были участвовать, ведь только на собрании можно было узнать о важных событиях в деревне.

Если не пойти, это означало демонстративно пренебречь старостой перед всей деревней. Собрание не начнется, пока не соберутся все. Если вся деревня ждет одного человека, это, несомненно, вызовет недовольство всех.

Сунь Юаньнян на самом деле не хотела идти на собрание. Видя, что собрание создано так внезапно, без всяких предварительных объявлений, она чувствовала себя беспокойно.

Но извещение от семьи Цзи было настолько срочным, что даже семья Юй, какой бы знатной она ни была, в деревне всё равно должна была проявить уважение к старосте в таком важном деле и пойти.

Подумав об этом, она решила пойти одна. В последнее время Линсяо очень переживал из-за дела с семьей Цзи.

Вот-вот должен был наступить Новый год, и ему нужно было ехать в столицу сдавать экзамены. Если посчитать, времени на повторение учебников осталось не так много. Если он будет так изводиться, то она боится, что на весенних экзаменах Линсяо не получит хороших результатов, и тогда перед семьей Сюэ будет трудно объясниться.

Но работник семьи Цзи специально передал, что должны прийти все. Сунь Юаньнян рассердилась, высказав рабочему несколько резких слов. А тот, тупой, ещё и ждал, пока она закончит ругать, и продолжал настаивать, чтобы они, мать и сын, пошли пораньше, что её

очень разозлило.

По дороге Сунь Юаньнян видела, как жители деревни перешёптываются, и их взгляды, казалось, скользили по ним, матери и сыну. В её сердце стало ещё тревожнее.

«Линсяо, это собрание из-за нас?»

Юй Линсяо поправил рукава. Его так поспешно вызвали, что он даже не успел привести себя в порядок. В душе он всё ещё надеялся, что сможет увидеть Таюя в доме Цзи.

«Почему они должны нападать на нашу семью без причины? Перестань быть подозрительной, мама».

Сунь Юаньнян потянула Юй Линсяо за рукав: «То дело...»

«Мама!»

Юй Линсяо повысил голос: «Ты боишься, что другие не узнают? Почему ты всё время об этом говоришь?»

Сунь Юаньнян, увидев, что её сын не хочет об этом слышать, послушно замолчала.

Вскоре жители деревни почти все собрались в доме Цзи к назначенному времени.

Цзи Янцзун, держа в руках список, по очереди называл имена. На этот раз, поскольку требовалось присутствие всех жителей деревни, людей во дворе Цзи было даже больше, чем в прошлый раз. Те, кому не хватило места, толпились у ворот.

Так как не знали, что происходит, некоторые дети пришли с родителями, чтобы посмотреть. Они бегали по всему двору, толкаясь. Весь дом Цзи напоминал большой скворечник.

Хо Шу стоял под карнизом дома Цзи, скрестив руки на груди, и смотрел на мать и сына из семьи Юй, входивших вслед за толпой. Его взгляд был необычайно холодным.

Он принёс из кухни Цзи большой разделочный нож длиной с предплечье и проводил подушечкой пальца по лезвию, проверяя остроту.

«Если сегодня старуха Ван действительно сможет всё прояснить, тогда репутация семьи Юй будет испорчена. Думаешь, семья Сюэ из-за этого не возненавидит нашу семью?»

Услышав, как рядом вдруг раздался обеспокоенный голос, Хо Шу убрал нож в сторону, опустил

глаза и увидел маленького гера, подошедшего к нему с тревожным видом.

Он тихо сказал: «Не волнуйся. Семья Юй смогла прицепиться к семье Сюэ из-за выгоды. Если выгода исчезнет, семья Сюэ перестанет обращать внимание на семью Юй».

«Эм?»

Таоюй в замешательстве посмотрел на Хо Шу, не совсем понимая, что тот имеет в виду.

«В Поднебесной много учёных людей, и семья Сюэ имеет учеников не только в лице Юй Линсяо. Если он не сможет вести себя порядочно и попадёт в скандал, семья Сюэ не будет убирать за ним».

«Но если он сдаст на цзиньши, то это будет уже другое дело».

Хо Шу посмотрел на Таоюя: «Но он не сдаст».

Таоюй поднял бровь: «Брат Хо не чиновник из Министерства обрядов, как ты можешь быть так уверен, что он не сдаст?»

Хо Шу отвёл взгляд: «Я предсказывал судьбу людям под мостом. Сказал, что он не сдаст, значит, не сдаст».

Таоюй, услышав это, слегка прищурился. Какой это предсказатель под мостом выглядит так, как ты? Кто бы осмелился к тебе прийти гадать?

В такой момент он всё ещё мог шутить.

Хо Шу, казалось, слышал, как маленький гер тихо фыркнул. Он уже собирался сказать что-то ещё, как раздался голос Цзи Янцзуна.

«Сегодня мы спешно созвали всех, потратив немного времени жителей деревни. Наверное, у жителей деревни есть некоторое недовольство. Однако, несмотря на недовольство жителей, есть дело, которое необходимо всем объявить. Дело действительно скверное, и если позволить такому распространяться в деревне, то боюсь, в будущем деревня не будет спокойной!»

Шумный двор постепенно утих под уверенным голосом Цзи Янцзуна. Люди, пришедшие с детьми, схватили шумных детей, прикрыли им рот, показывая, чтобы те не шумели, и все устали на Цзи Янцзуна.

Толпа во дворе перешёптывалась. Те, кто участвовал в обсуждении семьи Цзи, увидев, что Цзи

Янцун действительно выносит это дело на обсуждение, невольно опустили головы.

Те, кто ещё не знал, что происходит, наоборот, оживились, всем хотелось узнать, что за слухи так разозлили Цзи Янцуна, что он созвал всю деревню на собрание.

Сердце Сунь Юаньнян уже было в горле, но всё же оставалась надежда, что у семьи Цзи нет доказательств.

Только когда она увидела, как старуха Ван и её сын-бандит, засунув руки в карманы, неуверенно вышли по вызову Цзи Янцуна, она полностью похолодела.

Юй Линсяо, увидев смущённую старуху Ван, тоже не мог поверить своим глазам, застыл, не в силах пошевелиться.

«Семьи Цзи и Юй недавно объявили о расторжении помолвки, и каждый идёт своей дорогой, как и должно быть. Но некоторые люди с длинным языком сочиняют о двух семьях, говоря, что двое молодых людей слишком тесно общались до помолвки, и их отношения вышли за рамки приличий! Без доказательств клеветают, порочат репутацию. Это испортит репутацию гера, который ещё не вышел замуж!»

Цзи Янцун отчитывал старуху Ван: «Ван Пиньюэ, у нашей семьи Цзи нет причин стесняться. Сегодня перед всеми расскажи начистоту, почему ты клеветашь на семьи Цзи и Юй, что за обида заставляет тебя вредить геру из семьи Цзи и мешать ему выйти замуж! Сеешь раздор в деревне!»

Жители деревни, узнав, что сегодняшнее собрание посвящено этому делу, сразу оживились. Не думали, что Ван Пиньюэ, которая обычно только сплетничает, осмелится так клеветать на семьи Цзи и Юй.

Староста тоже смел, раз вынес это дело на обсуждение, ещё и так спешит рассказать о слухах про своего гера, будто боится, что кто-то ещё не знает. Если не выяснят, разве это не будет большой насмешкой?

Хотя были и те, кто просто пришёл посмотреть, но крестьяне, у которых были дочери или геры, сочувствовали семье Цзи. Такой хороший гер, сначала помолвка сорвалась, а теперь ещё и так его обговаривают, сплетники явно хотели, чтобы он больше не смог выйти замуж.

Представив, что если бы их собственные дочери или геры стали жертвами таких слухов, они бы тут же бросились убиваться. Хотя сегодня это не коснулось их самих, в деревне есть такие злые люди, и нет гарантии, что в будущем несчастье не постигнет их самих.

В какой-то момент женщины и мужчины, которых когда-то оговаривала Ван Пиньюэ, не удержались и, пользуясь случаем, стали ругаться: «Ван Пиньюэ, ты сама женщина, как ты

можешь так вредить девушкам и герам из своей деревни?»

«Староста никогда не обижал тебя, твой сын — бандит в деревне, староста не выгнал тебя, старую вдову, из деревни, а ты так оплачиваешь ему за добро и вредишь семье старосты».

«Тьфу! Бесстыжая, злые люди не могут закончить хорошо!»

Ван Пиньюэ всегда была бесстыжей, но такое море плевков со стороны односельчан она не выдержала, и, конечно, согласилась на слова Хо Шу.

Она поспешно оправдывалась: «Это не я, не я!»

«В деревне только у тебя такой язык, если не ты, то кто? Тебя староста поймал, а ты ещё отпираешься! Тебе место в тюрьме, только там ты научишься быть порядочной!»

Ли Цзиньху, видя, что ругань становится всё хуже, зарычал: «Моя старуха прямолинейная, что на уме, то и на языке! Обычно она любит поболтать, но не выдумывает сплетни из ничего!»

«Да, да».

Ван Пиньюэ вторила сыну, но крестьяне не поверили. Кто-то даже швырнул пучок увядшей ботвы, едва не попав в Ван Пиньюэ. Старуха испугалась и, взглянув на Юй Линсяо в толпе, закричала: «Это семья Юй, Юй Эрлан велел мне так всем рассказывать!»

Сунь Юаньнян, увидев, как Ван Пиньюэ прямо указала на Юй Линсяо, тут же запаниковала и вспыхнула, бросившись в сторону Ван Пиньюэ: «Безумная баба, говоришь чушь, мой сын цзюйжэнь, а ты ещё смеешь его порочить, я тебе рот порву!»

Ван Пиньюэ, увидев Сунь Юаньнян с красными глазами, несущуюся на неё, вскрикнула и поспешно бросилась к Цзи Янцзуну: «Староста, я говорю правду, ты должен меня защитить!»

Цзи Янцзун поспешно остановил обезумевшую Сунь Юаньнян, притворяясь, что убеждает её: «Госпожа Сунь, не волнуйтесь. Ван Пиньюэ, не клеветите!»

«Я говорю правду!»

Ван Пиньюэ поспешно вытащила из-за пазухи десяток с лишним лян серебра: «Одиннадцатого числа Юй Эрлан нашёл меня и дал мне десять лян серебра, велел распространить эту клевету о семье Цзи, когда сын старосты Чжоу из соседней деревни придет. Вчера отец и сын Чжоу пришли, и я сделала, как велел Юй Эрлан».

«Я заказала несколько блюд в ресторане семьи Сун в городе в одиннадцать часов и потратила двести вэней. Я также купила несколько кусков ткани и две шпильки. В общей сложности я потратила два ляна, и у меня осталось еще восемь лян серебра».

Ван Пиньюэ всё выложила: «Сегодня утром Юй Эрлан снова внезапно нашёл меня, велел ещё больше раздуть слухи и дал мне ещё десять лян серебра, все деньги здесь».

«Иначе откуда бы я, вдова, осмелилась говорить плохо о семье Цзи? Юй Эрлан теперь цзюйжень, он велел мне это сказать, я не смела его послушаться!»

Пока Ван Пиньюэ кричала, лица людей во дворе, смотрящих на это, становились всё более интересными. Услышав конец, все зашумели, и все стали смотреть на Юй Линсяо и на его обезумевшую мать, которая собиралась разорвать Ван Пиньюэ.

Юй Линсяо тоже был совершенно ошеломлён, он совершенно не ожидал, что Ван Пиньюэ, которая утром притворялась, что держит язык за зубами, после полудня выложит всё перед всей деревней. Его ноги похолодели, словно замёрзли.

Члены семьи Юй, не знавшие подробностей, были в ужасе. Теперь, не разбираясь, правда это или нет, они стали резко кричать: «Ван Пиньюэ, ты клеветешь, перестань скандалить в деревне и порочить семью Юй! Семья Юй живёт в деревне уже десятки поколений, их репутация известна всем жителям деревни. Если посмеешь ещё раз клеветать, я отвезу тебя в суд!»

Ли Цзиньху, видя, что семья Юй давит на Ван Пиньюэ своим положением, возразил: «Хорошо! В суд, так в суд! Пусть вся провинция посмотрит, что за человек этот цзюйжэнь Юй из семьи Юй. У него белое лицо ученого, но сердце шакала. Он такой зловецкий!»

«Ли Цзиньху, заткни свою поганую пасть!»

«Что, что? Осмеливаешься делать, но не осмеливаешься признаться? Совестно, но не даёшь людям говорить. Смотрите, все, смотрите внимательно, вот цзюйжэнь из нашей деревни. Староста дал ему денег на учёбу, он успешно сдал экзамены, а потом бросил семью Цзи, а теперь ещё нанимает людей, чтобы порочить их репутацию!»

Ли Цзиньху бил прямо в сердце семьи Юй, их лицо было полностью потеряно, и все они взорвались. Семья Цзи тоже не была робкого десятка, они вопрошали одно за другим:

«Юй Линсяо, что ты такое? Даже если ты, сдав экзамены, стал презирать семью Цзи, ты ведь вырос с Тао гером, как ты мог совершить такое, что разрушает его репутацию и губит ему жизнь! Разве это подобает такому человеку, как ты, который читал книги! Чем мы, семья Цзи, перед тобой провинились!»

«Какой грех! Мой шестой брат такой мягкосердечный, люди просили его, говоря, что они сироты и вдовы, что им тяжело жить, и он помогал им, покупал книги и письменные принадлежности, налаживал связи с учителями, даже своего гера обещал выдать замуж».

«Кто бы мог подумать, что в мире столько неблагодарных людей. Как только добился успеха, оттолкнул его, а он ни словом не пожаловался. А теперь некоторые так обращаются с хорошими людьми, пороча репутацию моего племянника и пытаюсь уничтожить нашу семью Цзи, разрушив репутацию всего рода. Какие намерения, какая злоба может быть до такой степени!»

Глава семьи Цзи, говоря, не сдержался и заплакал, плача и обличая, отчего у людей сжималось сердце.

«Вы, Цзи Янцзун и его жена, сами пришли требовать расторжения помолвки, а теперь ещё и нас, семью Юй, обвиняете! В мире нет такой несправедливости!»

Сунь Юаньнян обезумела от злости и выругалась: «Кто знал, что ваш гер такой нескромный!»

«Сунь Юаньнян, даже в такой момент ты права! Почему наша семья Цзи расторгла помолвку, ты прекрасно знаешь, ваша семья прицепилась к знатной семье, разве не хотели от нас избавиться? Перед экзаменами обещали красиво, после успешной сдачи — свадьба, а после получения звания цзюйжэня — высокомерны, как никто другой, откладывая свадьбу, ни слова не говоря! Если бы наш гер действительно был нескромен, он бы сам умолял вашу семью жениться на нём, а не выпрямлял бы спину и требовал расторжения помолвки!»

Хуан Маньцзин ругалась: «Получив все выгоды, вы ещё и топчете семью Цзи. Даже если не вспоминать прошлое, зачем разрушать репутацию всей семьи Цзи? Намерения действительно злые!»

Жители деревни тоже подхватили старую историю: «Раньше Сунь Юаньнян тоже льстила богатым и презирала бедных, расторгнув хорошую помолвку, а потом, используя подлые методы, вышла замуж за члена семьи Юй. А теперь она учит Юй Линсяо делать то же самое. Что за несчастье постигло семью Цзи, что она столкнулась с такой семьей».

Две основные семьи во дворе ссорились безобразно, и жители деревни тоже вступали в разговор, словно большой горшок с тушёным мясом, вскипев от сильного огня, лопнул.

Юй Линсяо среди шума и гама совсем потерялся, наступило полное оцепенение. Дошло до такого, что он не мог сказать ни слова в своё оправдание, чуть не потеряв сознание.

В тумане он, сквозь толпу, увидел гера, стоящего далеко у карниза, который смотрел на этот фарс.

Их взгляды встретились. Юй Линсяо увидел в этих красивых персиковых глазах непривычную холодность и отвращение. Он не мог понять, что чувствует, но всё ещё был в замешательстве, не понимая, почему всё так обернулось.

Тот маленький гер, который всегда уезжал в город в те дни, когда академия была закрыта, ждал его по пути в деревню после занятий, чтобы просто увидеть его, даже если они не обменяются ни словом, он был бы счастлив. Казалось, это было только вчера. Почему вдруг его глаза стали такими холодными?

Руки Юй Линсяо дрожали, глаза покраснели, и потекло два ручейка слез.

Сунь Юаньнян среди непристойных ругательств, вроде «сволочь», «скотина», подбежала к Хуан Маньцзин, пытаясь её поцарапать. Но перед Сунь Юаньнян появился разделочный нож с блестящим лезвием.

Все, увидев нож, вздрогнули, и во дворе вдруг стало тихо.

«А-Юй, я просто, просто не хотел тебя терять».

Глаза Юй Линсяо были полны слез, и он говорил с прискорбным тоном. Жители деревни, увидев его таким, на мгновение остолбенели.

Глава семьи Юй, увидев это, поспешно вышел и извинился: «Староста, Линсяо просто слишком глубоко влюблён, поэтому принял неверное решение. Ты же видел, как он рос, разве ты не знаешь его характер? Молодой человек действует необдуманно, вот и получилось так неловко».

«Тьфу!»

Цзи Янцзун выругался: «Сейчас тут изображаешь хорошего человека, а порочить репутацию — это нормально? Не оскверняй слова «глубоко влюблён»!»

«Дядя Цзи, мы с Таоюем росли вместе с детства, как я могу навредить ему? Помолвка между двумя семьями расторгнута, мне тяжело на душе, вот я и прибегаю к таким методам. Я не хотел испортить его репутацию, не знаю, как это так распространилось».

«Хватит!»

Таоюй сбоку, видя Юй Линсяо, который со слезами говорил, чувствовал отвращение.

«Чтобы оправдаться, ты готов на любую ложь. Когда ты придерживал полы одежды других, льстил им без конца, говорил жалостливым голосом, разве ты тогда думал, что ты уже

помолвлен?»

Таоюй холодно рассмеялся: «Не хотел расторгать помолвку, но хотел усидеть на двух стульях. Не слишком ли это жадно?»

Юй Линсяо был ошеломлен, услышав это. Таоюй действительно знал все.

В тот момент он почувствовал вину, и его лицо невольно покраснело.

Жители деревни зашумели, ещё больше презирая поступок Юй Линсяо.

Семья Юй, главная ветвь, хотела возразить, но не могла, и не осмеливалась больше опрометчиво возражать. Кто знал, что ещё натворили мать и сын? В результате они сами окажутся осмеянными.

«Эй, сошли с ума. Твоя тётушка и двоюродный брат действительно сбились с пути».

Когда вторая госпожа Сунь увидела, что ее сестра и племянник делают такое, ей тоже стало стыдно

«Теперь ты знаешь, кто такие твоя тётушка и двоюродный брат».

Юй Ся, стоявший рядом с матерью, глубоко вздохнул, в его сердце было смешанное чувство.

«Семья Цзи бесстыдная, мой глупый сын, ты всё ещё думаешь о нём».

Сунь Юаньнян ругалась: «Мужчина имеет три жены и четыре наложницы, это обычное дело. Ты, гер, нездоровый, разве ты хочешь, чтобы Линсяо оставался только с тобой?»

«Я знаю, что я недостоин вашей семьи, и мне не повезло наслаждаться благословением господина цзюйжэня. Семья Юй не должна совершать такие пагубные поступки».

«К счастью, сегодня правда раскрылась. И здесь я хочу ясно сказать, отныне я и Юй Линсяо идём своими дорогами, наши отношения порваны. Надеюсь, в будущем не будет никаких преследований!»

Сказав это, Таоюй сам ушёл, Юй Линсяо был полностью ошеломлён.

Эта драма, наконец, закончилась решением Таоюя и потрясением Юй Линсяо.

Семья Цзи не ждала извинений от матери и сына Юй. Принять их извинения было бы только ещё более отвратительно. Их целью было обнародовать поступок Юй Линсяо и восстановить доброе имя Таоюя. Раз цель была достигнута, остальное уже не имело значения.

Но после этого случая репутация семьи Юй в деревне полностью разрушилась. После чая и еды о семье Юй обязательно будут говорить, и в разговорах жители деревни будут только вздыхать.

Хотя из-за статуса семьи Юй они не осмеливались ничего говорить им прямо, за спиной они уже презирали их поведение и больше не хотели общаться с Сунь Юаньнян и её сыном без необходимости.

Такие люди так относились даже к благодетелям, которые помогали их семье, когда им было труднее всего, что уж говорить об обычных людях. Кто знает, когда они могут воткнуть нож в спину?

Члены семьи Юй были злы, но не смели упрекать Юй Линсяо. В душе им было обидно. Удачу они ещё не испытали, а зато натерпелись немало презрения и обид.

Когда они, спохватившись, поспешно отправились искать мать и сына Ли, Ли Цзиньху уже в тот же день после случившегося, взяв деньги, увёз свою старуху неизвестно куда, пока в деревне обсуждали это дело. Осталась только семья Юй, ругающаяся у ворот семьи Ли.

Цзи Янцзун, видя, что отношения между двумя семьями настолько испорчены, больше не хотел сдерживаться и пошёл к семье Юй, чтобы забрать все деньги, которые он раньше давал Юй Эрлану.

Раньше, из-за семьи Сюэ, Цзи Янцзун думал не брать деньги, чтобы семья Юй помнила о старых отношениях и не преследовала их, но Юй Линсяо оказался таким подлым. Что можно было ждать от него? Раз у него теперь есть деньги, и он тратит их на грязные дела, вредя другим, то лучше забрать свои деньги обратно, чтобы у семьи Юй не было лишнего серебра, от которого руки горят.

Сунь Юаньнян ещё поругалась, но, смущаясь перед жителями деревни, всё же отдала деньги Цзи Янцзуну.

Семья Юй теперь могла только проглотить обиду, как бы ни было больно, и принять поражение. Несколько семей клана Юй, очень не одобряли поступок Сунь Юаньнян и её сына, ведь семьи Цзи и Юй хоть и соперничали много лет, но никогда не доходили до такого безобразия.

На этот раз их семья была полностью виновата. Наедине все говорили, что характер у Сунь Юаньнян плохой, такой же, как когда она только вышла замуж. Но публично им всё равно приходилось полагаться на Юй Линсяо для защиты и снижения налогов, поэтому они против

воли утешали мать и сына.

«Даже если снаружи говорят самые плохие вещи, звание цзюйжэня Линсяо получил честно. Это подтверждено документом из академии и он получил соответствующий приказ, так что всех положенных привилегий его не лишат».

«Семья Цзи, дорожа репутацией, не пойдёт в суд. Помолвка, в конце концов, была расторгнута по обоюдному согласию. Даже если бы дело дошло до суда, это всего лишь деревенское дело. Свидетель сбежал, и власти не будут им заниматься».

«Да, впереди хорошая жизнь. Совершенно не нужно обращать внимание на то, что говорят другие. Тот, кто добивается больших дел, не обращает внимания на мелочи. Семья Цзи в деревне так много лет щеголяла, всегда изображая благодетелей Линсяо, разве это не раздражает? Нет ничего плохого в том, что Линсяо преподнёс семье Цзи урок».

«Раз уж несколько дядей так говорят, пользуясь случаем, скажу: дядям хорошо бы понять Линсяо, но экзамены в столице не за горами, и то, что говорят эти сплетницы, так отвратительно, что это неизбежно мешает Линсяо спокойно готовиться. Как он сможет сосредоточиться на подготовке к экзаменам?»

«Было бы хорошо, если бы Линсяо мог жить в тихом месте в городе и спокойно сдавать экзамены, не обязательно в большом, просто таком, где могут жить другие цзюйжэни. В будущем, если Линсяо попадёт в список на весенних экзаменах, он, конечно, не забудет своих дядюшек и тетушек, и тогда братья и сестры из его поколения, конечно, смогут рассчитывать на его заботу».

Как могли члены семьи Юй не понять, что имела в виду Сунь Юаньян? Но деньги, которые нужно было потратить на покупку дома в городе, были немалыми. Даже если участок был не очень хорошим, а дом небольшим, обычный двухэтажный дом стоил бы триста-четырееста лян серебра. Если несколько семей скинутся, на каждую семью придётся никак не меньше десятков или даже сотен лян.

Хотя, скрипя зубами, можно было бы найти эти деньги, но это всё равно была немалая сумма, и кто бы захотел отрывать от себя кусок мяса.

«Четвёртая невестка, ты же знаешь, в последние два года дела в семье первого брата идут не очень хорошо, урожай так себе».

«Да, четвёртая невестка, наш третий сын ещё не женат. Сейчас найти пару непросто, не обойдётся без тридцати-пятидесяти лян».

Сунь Юаньян, видя, как они жалуется на бедность, холодно рассмеялась: «Старший брат, урожай на ваших полях немалый, откуда такая нужда, как ты говоришь».

«Пятая золовка тоже умеет шутить, сейчас найти пару за тридцать лян уже большая честь, а налоги с каждым годом растут, в будущем на свадьбы будут тратить только меньше, а не больше. Это же не на дочери чиновника жениться, где уж потратить пятьдесят лян».

Обе семьи получили отпор, и Сунь Юаньнян продолжила: «Если дяди и тётушки не хотят помочь нашему Линсяю, то мы не можем просто так защищать и помогать тем, кто нам не помогает, не так ли?»

Несколько человек на мгновение потеряли дар речи.

Сунь Юаньнян добавила: «Наш Линсяю не дурак. Причина, по которой он порвал с семьей Цзи, конечно, в том, что у него появился лучший выбор».

«Скажу прямо, я даю дядям и тётушкам возможность помочь. Если у дядюшек и тётушек есть трудности и они не могут помочь, мы это понимаем, но в будущем, когда Линсяю будет в славе, пусть дяди и тётушки не говорят, что племянник не помнит родства».

Старший брат семьи Юй, вспомнив слова Цзи Таоюя на собрании сегодня, предположил, что Юй Линсяю, должно быть, нашёл себе знатного покровителя. Он немного подумал и с притворной улыбкой сказал:

«Что ты такое говоришь, четвёртая невестка. Линсяю — самый успешный ребёнок в нашем роду. Я, как старший дядя, буду поддерживать своего племянника, даже если в семье будут трудности».

Остальные семьи, видя, что старший брат уже высказался, хотя и с болью в сердце, но, понимая, что без жертв не обойтись, могли только, скрипя зубами, последовать его примеру:

«Нет ничего важнее дела Линсяю. Наш непутёвый третий сын ещё молод, у него ещё есть пара лет. Мы перенесём деньги, которые были отложены на его свадьбу, на племянника. В будущем, когда племянник прославится, наш сын, конечно, тоже сможет рассчитывать на его помощь и найти себе лучшую пару».

После всех переговоров Сунь Юаньнян убедила несколько семей скинуться на дом для Юй Линсяю в городе.

«Когда дом будет куплен, сразу же переезжаем. Мы будем жить подальше от всех этих деревенских. Даже если они захотят говорить, они нас не увидят. А в городе будет удобно общаться с семьей Сюэ, не так ли?»

Сунь Юаньнян, глядя на Юй Линсяю, который два дня пролежал в постели в прострации, почувствовала боль в сердце и тихо уговаривала его.

Юй Линсяо ничего не ответил, неизвестно, слышал ли он её слова.

«Линсяо, если ты так и останешься в унынии, что мне делать?»

Голос человека в постели был хриплым: «Мама, не беспокойся. Раз уж с семьей Цзи так получилось, я обязательно полностью сосредоточусь на помолвке с семьей Сюэ».

Взгляд Юй Линсяо, который до этого был рассеянным, вдруг стал твёрдым. Он должен был подняться наверх, он обязательно вернёт всё, что, по его мнению, принадлежало ему.

—

<http://bllate.org/book/14480/1281189>